

Т.В. Панич*

T.V. Panich*

**Сибирские послания
Игнатия (Римского-Корсакова):
структура и источники текста**

**Siberian Epistles
of Ignatius (Rimskiy-Korsakov):
Structure and Text Sources**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-2-3

УДК 821.161'01-311.8"14"

Выходные данные для цитирования:

Панич Т.В. Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова): структура и источники текста // Исторический курьер. 2019. № 2 (4). Статья 3 URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-03.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-2-3

How to cite:

Panich T.V. Siberian Epistles of Ignatius (Rimskiy-Korsakov): Structure and Text Sources // Historical Courier, 2019, # 2 (4). Article 3. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-03.pdf>

Abstract: Siberian Epistles by Metropolitan of Tobolsk and Siberia Ignatius (Rimskiy-Korsakov) represent a complex composed of three independent works of different volume, which was finished in 1696. The subject is fighting against the church dissent in Siberia. The Epistles are not only an important source of information on the history of Ural-Siberian Old Belief protesters, but are also an interesting memorial of publicism of the late of XVII c. that stands out due to its literary specificity and reflects the artistic peculiarities of Ignatius (Rimskiy-Korsakov). Texts of the complex differ in their compositional structure and content. This refers especially to the Third Epistle. In comparison with two other epistles this one is more voluminous and has a more complicated structure characterized by a large variety of texts included. Within the Third Epistle's structure there are fragments that resemble a theological or polemic treatise, prone, historical and narrative story. Forms of narrative story occupy a specific place here. Compositional and semantic structure of the text was extended and complicated by literary insertions (novels), which enhance its literary origin. Since the pontifical prone of Ignatius was addressed not only to foes of the Church, but mostly to the laity consisting of country-folk, these narrative literary insertions performed a didactic role: they allowed the author to express his attitude towards the opponents of church reformation and their teaching in an understandable fashion. Siberian Epistles are based on multiple sources of different character: bookish (texts of the Holy Writ, patristic, publications of Moscow Print Yard of XVII c., and service literature), documental, verbal. All these materials provided Metropolitan Ignatius with necessary information or knowledge about his field of interest; they also served as a means of text structuring (as constituent elements of its compositional structure); and most importantly, played a significant role in the author's polemic discourse, being important arguments in solution of the issues faced by Ignatius: to expose the views of church reformation opponents, to justify and protect the views of the official Church, and to warn the laity against probable influence of dissent ideology.

Keywords: Siberian Epistles; Ignatius, metropolitan of Siberia and Tobolsk; compositional structure; sources.

The article has been received by the editor on 2.2.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация: Сибирские послания митрополита Тобольского и Сибирского Игнатия (Римского-Корсакова) составляют комплекс из трех разных по объему самостоятельных сочинений, работа над которыми была завершена в 1696 г. Они посвящены теме борьбы с

* **Панич Тамара Васильевна**, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: tvpanich@ngs.ru

Panich Tamara Vasilyevna, Doctor of Philology, leading research worker of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russia), e-mail: tvpanich@ngs.ru

церковным расколом в Сибири. Послания представляют собой не только важный источник по истории протестного движения урало-сибирского старообрядчества, но и являются одним из интересных памятников публицистики конца XVII в., отличающихся литературной спецификой и отразивших особенности творчества Игнатия (Римского-Корсакова). Тексты комплекса различаются композиционной структурой и содержанием. В большей степени это касается Третьего послания. По сравнению с первыми двумя посланиями оно гораздо пространнее и имеет более сложную конструкцию, которая характеризуется разнообразием составляющих ее текстов. Внутри структуры Третьего послания нашли место фрагменты, имеющие черты богословского, исторического или полемического трактата, проповеди. Особое место среди них занимают формы сюжетного повествования. Художественно оформленные вставные эпизоды («повести») расширили и усложнили композиционную и смысловую структуру текста, значительно усилив его литературное начало. Поскольку архиерейская проповедь Игнатия была обращена не только к противникам Церкви, но, в первую очередь, к представителям паствы, подавляющую часть которых составлял простой люд, крестьяне («сельные жители»), литературно украшенные сюжетные включения выполняли дидактическую функцию: давали возможность автору в доходчивой форме выразить свое отношение к противникам церковной реформы и их учению. Сибирские послания созданы на основе многочисленных источников разного характера: книжных (тексты Священного Писания, патристика, издания Московского Печатного двора XVII в., служебная литература), документальных, устного происхождения. Все эти материалы предоставляли митрополиту Игнатию необходимые сведения или знания, касающиеся предмета его интересов; они служили также одним из средств построения текста (в качестве составных элементов его композиционной структуры); а главное – играли важную роль в авторском полемическом дискурсе, имели значение авторитетных аргументов при решении стоявших перед Игнатием задач: обличение взглядов противников церковной реформы, обоснование и защита позиции официальной Церкви, предостережение паствы от возможного влияния на нее идеологии раскола.

Ключевые слова: Сибирские послания; Игнатий, митрополит Сибирский и Тобольский; композиционная структура; источники.

* * *

В литературном наследии митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия (Римского-Корсакова) особое место занимают три окружных послания, которые были написаны в Тобольском Софийском доме¹ и относятся к сибирскому периоду творчества писателя. Они известны в науке как Сибирские послания. Содержание данного эпистолярного комплекса связано с темой раскола: послания направлены против действовавших на Урале и в Сибири противников церковной реформы, влияние которых на широкие слои населения подведомственной митрополиту Игнатию территории представляло серьезную опасность для патриаршей Церкви. Главной мишенью обвинений и разоблачений автора были лидеры старообрядческого протеста Урало-Сибирского региона (Иосиф Истомирин, Авраамий Венгерский, Яков Лепихин и др.) и их последователи. Перед Игнатием стояла задача обличения и развенчания идеологии раскола, при этом одна из установок творческой стратегии автора посланий заключалась в том, чтобы предостеречь паству от возможного влияния на нее учения защитников «старой веры», поэтому его архиерейская проповедь была обращена не только к противникам Церкви, но, в первую очередь, ко всем православным христианам Сибири (духовенству и мирянам).

Все три послания объединяет тема и общее авторское название: «На арменов и полуарменов». Представление староверов о форме крестного знамения (двуперстие)

¹ Тобольский Софийский дом в XVII в. являлся одним из главных центров распространения православной духовной культуры в Сибири. См.: Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. / авт.-сост.: Е.К. Ромодановская, О.Д. Журавель // История Сибири. Первоисточники. Вып. 10. Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 2001.

митрополит Игнатий считал «арменоподражательством», «арменской ересью», отсюда и название его архипастырских посланий. Сибирские послания известны в четырнадцати списках конца XVII–XIX вв., двенадцать из которых представляют Пространную редакцию, остальные два – Сокращенную². Столь длительное рукописное бытование сочинения тобольского митрополита, которое включает и этап переработки текста (время и цель подготовки Сокращенной редакции – отдельная исследовательская проблема), указывает на его актуальность как для XVII в., так и для последующих столетий: сочинение использовалось в борьбе со старообрядцами.

Сибирские послания привлекали внимание исследователей в качестве исторического источника, содержащего сведения и факты, относящиеся к истории церковного раскола в Сибири³. Однако сочинение представляет интерес и как памятник публицистики конца XVII в., отличающийся своей литературной спецификой и отразивший особенности творчества Игнатия (Римского-Корсакова), и в этом качестве заслуживает всестороннего анализа и научной оценки.

Настоящая статья продолжает изучение литературных особенностей Сибирских посланий, начатое мною ранее⁴. На этот раз задачей исследования является анализ композиционной структуры текста Сибирских посланий, выявление источников сочинения и определение их роли в авторском полемическом дискурсе. Материалом исследования является один из наиболее авторитетных списков посланий, который был выполнен специально для холмогорского архиепископа Афанасия – единомышленника и друга митрополита Игнатия (БАН, Архангельское собрание, С. 220). Здесь, как и в других списках, в конце Третьего послания в записи содержится дата, указывающая на время окончания работы Игнатия над текстом своего сочинения (12 апреля 1696 г.): «Написася нами, архиереом, грамота послания сего в дому святыя неизреченныя Софии Премудрости Слова Божия в пятое лето архиерейства нашего, в лето же от сотворения мира 7204-го, месяца априллия в 12 день, в день святыя Пасхи. Конец и Богу слава!»⁵.

Текст комплекса предваряют «Стихи». Следует обратить внимание на то, что праздник Пасхи, о котором говорится в приведенной записи, упомянут также и в «Стихах». Неизвестный автор прославляет в них Сибирского митрополита как борца с противниками церковной реформы: «Воскресения день, людие, просветимся, / от земных мыслей к небесным возвысимся. / Печаль бо отиде, всем нам радость явися, / Востанием бо Христовым ад развеися. / Веселится всякая тварь и играет, / род человеческий победу Христа прославляет! / (...) Радуйся и ты, владыко, преосвященный / Игнатие, в праздник сей светло торжественный! / Архиерею всея славныя Сибири, / умножающий проповедь православной

² Воронова Л.Б. Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 193–198. Впервые текст посланий был опубликован в «Православном собеседнике» (см.: Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. Казань, 1855). Научное издание отдельных небольших фрагментов из посланий было осуществлено уральскими исследователями А.Т. Шашковым и В.И. Байдиным по трем спискам Пространной редакции (см.: Памятники литературы и письменности крестьян Зауралья / сост. А.Т. Шашков, В.И. Байдин. Свердловск, 1991. Т. 1. Вып. 2. С. 22–31).

³ Так, П.С. Смирнов обращался к Сибирским посланиям, изучая начальную стадию движения раскола (см.: Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. С. 35–36, 55, 60, 63, 68). Вопросы истории урало-сибирского старообрядчества и судьбы лидеров старообрядческого протеста на материале посланий подробно исследовал А.Т. Шашков в своих работах (см.: Шашков А.Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 80–375). Сибирские послания рассматривались в ряду других произведений творческого наследия митрополита Игнатия И.А. Никулиным, который высказал интересные и аргументированные предположения об истории написания сочинения, касающиеся датировки каждого из текстов данного эпистолярного комплекса (см.: Священник И.А. Никулин. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. С. 192–198).

⁴ Панич Т.В. Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова): литературные особенности // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 120–131.

⁵ БАН, Архангельское собрание, С. 220, л. 79. Далее при цитировании текста отсылки к листам рукописи приводятся в круглых скобках вслед за цитатой.

веры! / Врагов Божиих, злых расколников разоряй, / нечестивыя их вымыслы искореняй, / от Церкви святой отсекай утверждением / святых отец и правильным изложением» (л. 1). Таким образом, автором этого своеобразного предисловия к Сибирским посланиям является не Игнатий, а кто-то другой.

Несмотря на общее заглавие каждое из посланий комплекса представляет собой отдельный самостоятельный, завершённый текст, который содержит основные структурные элементы жанра окружного послания (продолжающего традицию апостольского послания с его богословско-наставнической установкой): 1) **вступление**, включающее формулу *отправитель* (архиерей) – *адресат* (сообщество верующих, паства) и *пастырское благословение*; 2) **основную часть**; 3) **заключение**.

Что касается вступления, то оно текстуально совпадает во всех трех посланиях, имеет развернутый вид, сохраняя указанные элементы его жанровой формы (автор послания, те, кому оно адресовано, благословение): «Игнатий, милостию Божиею митрополит Сибирский и Тобольский. Во Святом Дусе пречестнейшим братьям и чадам православным святых Церкви наша Сибирския. Преподобным архимандритом и благоговейным игуменом, честным иеромонахом, священным протопопом и иереом, и всему причту церковному, и всем православным христианом, благодать Господа Бога и Спаса нашего, Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа да будет со всеми вами» (л. 3–3 об.).

Остальные части посланий, как показывает анализ, существенно различаются по своей композиционной структуре и содержанию. В большей степени это касается Третьего послания. По сравнению с Первым и Вторым посланиями оно гораздо пространнее и имеет более сложную конструкцию, которая характеризуется разнообразием составляющих ее текстов. Внутри структуры Третьего послания нашли место тексты разных жанровых форм. Оно включает фрагменты, имеющие черты богословского или полемического трактата, проповеди, исторического и сюжетного повествования. В отличие от первых двух посланий, где отсутствует членение текста на отдельные сегменты, Третье послание разделено на тематические главы – еще одна его особенность. Послание снабжено также оглавлением («Описание, что обретается в Послании сем»), состоящем из 56 названий. Следует отметить, что некоторые главы (имеющие в оглавлении собственные названия) объединены какой-то одной темой или разрабатывают один сюжет. Последняя глава является заключительной частью текста, где автором выражена надежда на обретение верными христианами Царствия Небесного и которая заканчивается традиционной формулой: «Ему же слава, честь и поклонение буди от всеа твари со Безначальным Его Отцем и с Пресвятым и Благим и Животворящим Единосущным Его Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь» (л. 78 об.).

Таким образом, каждая из глав Третьего послания представляет собой своеобразную микроструктуру внутри макроструктуры всего текста.

Судя по всему, изначально митрополит Игнатий планировал ограничиться одним (Первым) посланием. В нем он поименно назвал основных идеологов урало-сибирского антицерковного движения, обвинив их в том, что они искажают Священное Писание путем неверного истолкования текста и прельщают «простецов», которые в силу невежества прислушиваются к новым «лжепророкам» и «лжепроповедникам» («незлюбив верует всякому слову», л. 4 об.). Но позднее, увидев, что его обличения, предостережения и увещания не возымели должного воздействия на продолжавших свою проповедь предводителей сибирского раскола (в частности, выступали в защиту двуперстия), митрополит Игнатий решает написать Второе послание. Об этом свидетельствует начало основной части сочинения. Так, тобольский владыка пишет: «Паки арменин Астомен и Лепихин бесятся, паки жидовин Венгерской смущается, паки онаго окаяннаго змия хуление, яже слуги его Астомен, и Лепихин, и Венгерской на святых Церкви Христовы предание свищут, прикрывая свое отступство от святой Церкви. И глаголют, яко “аще кто тремя персты правыя руки крестное знамение на себе полагает, той, – рече, – антихристовым знаменем печатается”. Видите, благословеннии христиане, каковую хулу адский змий диавол со отступниками своими умыслил есть? И како хочет православие аки благословною

виною потребити и данное от самых Христовых апостол и божественных учителей Христовых в Церкви святой древнее предание с начала веры, еже знаменовати комуждо на себе животворящий крест Христов тремя первыми персты десныя руки во отгнание всякаго сопротивнаго действия диаволя, в просвещение же души и тела, и в запечатление православия Христова. Тии же окаяннии таковою хулою и укоризною православных христиан, яко смертоносным ядом змииным надышут, дабы христиане тако имя пресвятыя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа вкупе со крестом Христовым на себе не изображали» (л. 7 об.–8).

Заключает этот отрезок текста фраза, в которой четко выражена авторская интенция: «Но аз, прославляя святую Троицу, хуление твое обличю» (л. 8). Таким образом, тобольский митрополит посчитал необходимым вновь высказать свое отношение к учению защитников «старой» веры, особое внимание сосредоточив на обсуждении спорного вопроса о форме крестного знамения. Игнатий привел здесь многочисленные доводы в защиту трооеперстия. Обличая Иосифа Истомина, он на основе математических выкладок сделал вывод о том, что Истомин является «предтечей антихриста» и что его имя (в форме «Астомен») составляет «число зверя» – 666. В послании приводится также «Исповедание» Истомина, структурно оно заключает основную часть Второго послания.

Однако обличительные речи и учительско-увещательные призывы Сибирского митрополита и на этот раз не дали какого-либо положительного результата. И поскольку деятельность предводителей старообрядческого протеста в Сибири продолжалась и оказывала влияние на разные слои населения, вовлекая в ряды ревнителей «древлего благочестия» новых сторонников, у Игнатия созрел замысел подготовить Третье послание, более обстоятельное и развернутое по содержанию и характеру аргументации. В начале послания он писал: «Аз убо мнех полуарменства лицемери предреченными прежде сего на ня обличительными посланиями и о истинне указанными удовляеми быти, и покойствующия, прочее раскаяватися о яже смыслиша же и глаголаша зле о святой Церкви. Тии же, не вем како, ниже тако срамляются, но яко свиния и пси во своих блевотинах, своей вине валяющесе, паче изобретают себе примышления в нечестие и довляше убо от предреченных им сведети. Аще не быша велми чювства погубили, яко истинне свидетельствующей не быти иному в перстех образованию образу Святыя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа – разве первыми тремя великими персты. Тии же нечестивии полуармени предлагают великий перст един и два последние, глаголюще в тех перстех, великосреднем и указательном, паки единого от Троицы Сына Божия тчатся образовати, в два лица разделив, понеже персты образование знаменует образование лиц. Зрите, благословеннии христолюбцы и чада святыя Церкви, преступников сих полуармен ересь. Каковую досаду творят триипостасному Божеству, изображая Святую Троицу не в равных перстех, но в великом и болшем» (л. 19–19 об.). Помимо сибирских лидеров раскола острой критики, по словам митрополита Игнатия, заслуживают их предшественники и учителя – «скверный Аввакум разпротопоп и скаредный роспоп Никита Пустосвят».

В Третьем послании получили развитие темы, которые были лишь намечены в Первом и Втором посланиях. Это можно проследить, анализируя, например, как разворачивается в посланиях тема старообрядческих массовых самосожжений, которые в последние десятилетия XVII в. широко распространились не только в Европейской части России, но и в Сибири⁶. Уже в Первом послании митрополит Игнатий несколько раз говорит о самосожжениях, резко обличая подобную практику. Например, он пишет: «арменин убо и Лепихин, яко же им диавол вдохне, учат, глаголя, не ходити в церковь святую... Конечное же – пагубе огненной повелеваху учеником своим предатися, яко диавольское некое прещение умыслили суть» (л. 5). Тема самосожжений находит отражение и во Втором

⁶ Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. С. 53–67; Юхименко Е.М. Каргопольские «гари» 1683–1684 гг. (К проблеме самосожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М., 1994. С. 64–119; Шашков А.Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 81–179; Пулькин М.В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX вв.). М., 2013.

послании, где автор, например, интерпретирует фрагменты из апостольских посланий (2 Петр 2: 1; Иуд 1: 17). Он пишет: «Сие же видите, чада, яко внидут в последния дни ругателе, по своих похотех ходящии. И в вас будут ложнии учителя, иже внесут ереси погибелныя, и искупльшаго их Владыки отметающесея, приводяще себе скору погибель» (л. 11 об.). Последующая авторская трактовка священного текста указывает на то, что здесь Игнатий имел в виду практику самоубийств (в том числе самосожжений) среди защитников старого обряда как форму борьбы против патриаршей Церкви: «и сии окаяннии учат, веляще учеником своим отступати православия и, арменскую веру держа, сожигати себе. Овых же и сожгоша» (л. 12).

Особое внимание на проблему старообрядческих массовых самосожжений митрополит Игнатий обратил в Третьем послании, посвятив ее обсуждению несколько глав. В состав текста им были включены несколько «повестей» или «сказаний» (авторские определения), представляющих собой литературные версии реальных событий – старообрядческих «гарей», имевших место в разных российских регионах. При этом основное внимание автора было сосредоточено на событиях подобного рода, происходивших в Сибири. В каждом из рассказов отчетливо выражена его позиция по отношению к действующим лицам, их поступкам и ценностным установкам. Самовольная «огненная гибель» староверов получила резкое осуждение митрополита Игнатия. Насыщая повествование библейскими сюжетами, чудесами, символическими мотивами и образами (например, мотив голосов из загробного мира; явление бесов над пепелищем, где сгорели старообрядцы; образ ада, геенского огня и др.), автор высказывает мысль о страшной посмертной участи противников Церкви. Как он полагает, их гибель в огне оборачивается не спасительным «огненным вторым крещением» (по их представлениям), но сошествием в адские пропасти на вечное мучение.

Необходимо отметить, что такие вставные художественно оформленные эпизоды («повести») благодаря своей образности резко выделяются в контексте послания, значительно усиливая его литературное начало и усложняя композиционную структуру текста. Ярко выраженную литературную окраску имеют не только рассказы о старообрядческих «гарях», но и многие другие фрагменты Третьего послания, посвященные какой-то определенной теме (например, главы: «О Капитоне Колесниковском», «О волхвователном еретике, арменоподражателе», «Повесть о чюдеси преподобных Зосимы и Савватиа» и др.). Вероятно, по замыслу автора, эти сюжетные включения должны были оказывать эмоциональное воздействие на читателей – посадских и служилых людей, крестьян («селных жителей»). Кроме того, они выполняли дидактическую функцию, давая возможность автору посланий в доходчивой форме выразить свое отношение к противникам церковной реформы и их учению⁷.

Для решения стоявших перед автором Сибирских посланий задач (обличение взглядов противников церковной реформы, обоснование и защита позиции официальной Церкви, предостережение паствы от возможного влияния на нее идеологии раскола), потребовалось привлечь большое количество авторитетных источников. Важно иметь в виду, что в распоряжении митрополита Игнатия было собрание книг архиерейского Софийского дома. Эта библиотека, по наблюдению Е.К. Ромодановской, «на протяжении всего XVII в. являлась самым богатым книгохранилищем в Сибири»⁸. Главное место в иерархии привлеченных автором Сибирских посланий источников по традиции заняли тексты Священного Писания, присутствующие в сочинении в виде прямых цитат, парафраз и аллюзий. Помимо книг Ветхого и Нового заветов, митрополит Игнатий обратился к патристике – древнейшим текстам христианской письменности. В сочинении имеются ссылки, например, на богословские труды Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского, Иоанна Дамаскина и других отцов Церкви. Авторитетными источниками для автора Сибирских посланий являлись также служебные тексты, в том числе церковные песнопения. Так, Игнатий

⁷ Панич Т.В. Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова): литературные особенности // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 120–131.

⁸ Ромодановская Е.К. Избранные труды: Сибирь и литература. XVII в. Новосибирск, 2002. С. 30.

цитирует строки из канона праздника Рождества Христова Иоанна Дамаскина и Космы Маюмского («Высотой царствуй Небес милосердием...»). Сибирский митрополит использовал также сочинения эсхатологической направленности, которые были особо популярны и в полемическом дискурсе старообрядцев. Это такие тексты, как слово «О исходе души и о Втором пришествии Христове» Кирилла Александрийского и слово «О скончании мира и о антихристе, и о Втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа» Ипполита Римского. В данном случае Игнатий пользовался изданным Московским печатным двором «Сборником из 71 слова» («Соборником большим»), в составе которого были опубликованы оба сочинения (М., 1647. Л. 108 об.–119 об.; л. 120–140). На листы издания он ссылается во Втором послании, когда полемизирует с расколоучителями о печати антихриста, предлагая свою трактовку цитаты из слова Ипполита Римского (правда, он называет указанный сборник «Торжественником»). Автор приводит выписки и из других московских изданий. Например, из «Скрижали» (М., 1655–1656) – сборника полемических и толковых текстов, касающихся церковной реформы патриарха Никона; из книги «Бесед Иоанна Златоуста на евангелиста Иоанна» (М., 1665); из Евангелия с толкованиями Феофилакта Болгарского (М., 1649). Не исключено также, что митрополит Игнатий в главе «О ревности на соборе Афанасия, архиепископа Холмогорского на Пустосвята», посвященной известному диспуту о вере, состоявшемуся в июле 1682 г. в Грановитой палате Кремля (где участвовал и холмогорский владыка, который выступил с обличительной речью, обращенной к Никите Пустосвяту), в качестве одного из источников привлек печатную книгу Афанасия Холмогорского «Увет духовный» (М., 1682). Правда, это лишь предположение, так как прямого указания автора на данный источник в тексте нет, отсутствуют также цитаты из него; отмечается лишь ситуативная близость эпизодов с участием Афанасия Холмогорского, описанных в «Увете духовном» и в послании митрополита Игнатия. Возможно, автор писал главу по собственным воспоминаниям (находясь в то время в Москве, он мог присутствовать на упомянутом соборе в числе других представителей духовенства).

В Сибирских посланиях автором была выражена мысль о том, что учение противников церковной реформы является ересью, которая, с его точки зрения, представляла собой очередной этап еретического движения, издавна вносившего потрясения в жизнь православной Церкви. Этой проблеме автор сочинения посвятил три главы в Третьем послании: «Колико время в России не бысть ереси», «Ересь новгородских еретиков, когда бяше» и «На ересь жидовскую преподобнаго Иосифа, колико было словес». В фокусе внимания митрополита Игнатия были не только события, связанные с урало-сибирским старообрядчеством, но и история распространения ересей в России в целом. Поэтому он обратился к такому источнику XVI в., как «Просветитель» Иосифа Волоцкого, направленному против ереси жидовствующих. Автор послания привел пространную выписку из книги, точнее из вступительной ее части, которая имеет название «Сказание о новоявившейся ереси новгородских еретиков Алексея протопopa и Дениса попа, и Феодора Курицына, и инех, иже такоже мудрствующих»⁹. Любопытно, что в цитируемом автором Сибирских посланий тексте имеются развернутые обвинения в ереси московского митрополита Зосимы. Это указывает на то, что в его распоряжении был какой-то список 1-ой редакции сочинения Иосифа Волоцкого (именно здесь фигурирует обвиняемый в ереси митрополит Зосима)¹⁰. Возможно, митрополит Игнатий пользовался списком «Просветителя», который, как писала Е.К. Ромодановская, был подарен в 1620-е гг. Тобольскому архиерейскому дому первым архиепископом Сибирским и Тобольским

⁹ Цит. по: Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобнаго отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого / Изд. 4-е. Казань, 1904. С. 27.

¹⁰ О творческой истории «Просветителя» и его изучении см.: Алексеев А.И. О «Просветителе» и посланиях преподобнаго Иосифа Волоцкого (историографический обзор) // Вестник церковной истории. 2008. № 2 (10). С. 137.

Киприаном¹¹. Однако это лишь предположение, требующее дополнительных научных разысканий.

При цитировании большого отрезка текста из книги Иосифа Волоцкого (как и в некоторых других случаях) митрополит Игнатий как бы отступает на второй план, давая слово авторитетному писателю, исследователю ересей, включая «готовый» текст в свое сочинение. Цитата приобретала качество важной части авторского текста. Вмонтированные в архитектуру послания извлечения из книжных источников становились его структурными элементами, своеобразным «строительным» материалом; из источников Игнатий черпал необходимые для своего сочинения сведения; они выполняли функцию неоспоримых аргументов в полемике с идеологами раскола, усиливали его позицию, значимость его оценок и суждений.

С помощью выписок из авторитетных источников митрополит Игнатий создавал проповедь для подопечных своей паствы, предупреждая их о грозящей опасности со стороны новых противников Церкви: «Аще к вам паки начнут приходить и смущати, держитесь святой Церкви и узрите их наипаче погибель. И учителя их с ними же погибнут. Нас же да сохранит Господь Бог при святой Церкви в православной вере, еже веровати и славити пречестное и великолепное имя единого Бога, в трех ипостасях поклоняемого и славимаго Отца и Сына и Святаго Духа, молитвами пресвятыя, пречистыя, преблагословенныя, славныя владычицы нашея Богородицы и присно Девы Марии и всех святых» (л. 7 об.).

Для митрополита Игнатия при изложении фактов и событий, связанных с церковным расколом в Сибирской епархии, особую ценность имели источники местного происхождения. Он, несомненно, опирался на архивные документы, сохранившиеся после его предшественника – митрополита Сибирского и Тобольского Павла. Игнатий упоминает в Послании его имя, рассказывая, например, о переводе Иосифа Истомина из Енисейска в Тобольск на допрос к митрополиту. Или повествуя об истории Березовской «гари», организованной бывшим священником тюменской Знаменской церкви, учеником протопопа Аввакума – Дометианом (Даниилом), который увлек идеей «огненной смерти» множество своих учеников. В рассказе об этом событии также действует митрополит Павел, стремившийся, как пишет Игнатий, предотвратить трагедию (в том числе с помощью своих архиерейских увещательных посланий): «Сибирстий же преосвященный господин Павел митрополит, зело слышав о оных отступниках, скорбяше душею и хотяше их от огненного того запаления избавити, посылаше к ним благоговейных иереов и добродетельных мужей, да престанут от такового беснования и да приидут в себе и познают, яко дьявольское сие есть хотение, еже самому себе убивати или сожигати. И посылаше к ним и послания, избрав от божественных Писаний, да обратятся от арменства проклятого и да паки восприимут разум триипостаснаго Божества, и приидут в покаянии ко святой Церкви» (л. 56).

Большое значение для автора Сибирских посланий имели также устные рассказы сибиряков, циркулировавшие в народе разного рода «толки» и слухи о старообрядцах Сибири и их духовных лидерах. Например, тобольский владыка сообщает в Первом послании о том, что местные жители донесли ему о появлении антицерковной листовки с оскорбительными для Церкви изображениями («листе в лицах»), к изготовлению которой были причастны Яков Лепихин и чернец Авраамий Венгерский: «Слышах, во странах сих жителствуя Сибирских, братия бо приснии правыя веры Христовы Церкви суще, возвестиша, яко в пределех области нашея епархии града Тюмени нецыи убо, сошедшеся, от мудрствующих арменскаго единобесия и поучающесе между собою от жителей селных со злыми своими лжеучители, со окаянным Якункою Лепихиным и со проклятым чернцем Венгерским, жидовином, написаша рукою скверною на святую Церковь хулы многие, яко воду многу. И ругающесе, написаша Церковь святую и учителя своего, искони злаго врага дьявола, аки змия оплетшася окрест ея и исплевающа яд свой на святыя тайны – святого Тела и Крове Христовы. И таковый лист в лицах окаянный он Якунка Лепихин, яко сам сый быв иконник, от злаго сердца своего написав, изрыгне. И сим листом превращаше окаянный

¹¹ Ромодановская Е.К. Избранные труды: Сибирь и литература. XVII в. Новосибирск, 2002. С. 29.

простших селных жители, и покусия злочестивый Лепиха Церковь святую сим листом своим во ушесех христиан осквернити» (л. 5 об.–б).

Указание на устный источник содержится, например, и в Третьем послании, в главе «О Васке, томском еретике». Здесь говорится, что митрополит Игнатий получил информацию о старообрядце Василии Шапошникове от монаха томского Алексеевского монастыря Гурия: «О сем же проклятом Васке Шапошникове поведя моему смирению Томскаго града из монастыря преподобнаго Алексия человека Божия монах престарелый, именован Гурий, яко внегда ему в Томской пришедшу от тех же учеников проклятаго еретика Дометиана тюменскаго» (л. 59).

На устные источники автор посланий опирался также и в «повестях» о старообрядческих «гарях», где с фактическими данными тесно переплелись слухи и «толки», характерные для устной традиции. Дошедшие до автора Сибирских посланий рассказы свидетелей о достоверных событиях, происходивших несколько лет тому назад, в ходе устного бытования неизбежно приобрели новые подробности, дополнительные мотивы и сюжетные напластования, в том числе детали вымышленного и сверхъестественного характера. А при включении в текст посланий устные рассказы (как, впрочем, и все другие источники) подверглись авторской интерпретации в соответствии с творческим замыслом сибирского митрополита.

Таким образом, анализ трех Сибирских посланий Игнатия (Римского-Корсакова) показал, что автор при написании каждого следующего за Первым посланием текста шел по пути усложнения как самого текста, так и стоявших перед ним задач. Послания отмечены своей спецификой, касающейся композиционной структуры, содержания и использованных автором источников. Наиболее сложную структуру имеет Третье послание, которое отличается разнообразием составляющих его текстов, особое место среди которых занимают формы сюжетного повествования. Художественно оформленные вставные эпизоды («повести») усложнили и обогатили композиционную и смысловую структуру текста, в значительной степени усилив его литературную составляющую. Сибирские послания созданы на основе многочисленных источников разного характера: книжных (тексты Священного Писания, патристика, издания Московского Печатного двора XVII в., служебная литература), документальных и устного происхождения. Из источников митрополит Игнатий извлекал необходимые сведения или знания, касающиеся предмета его интересов; они служили также одним из средств построения текста (в качестве составных элементов его структуры, привносящих дополнительную смысловую нагрузку в повествование); а главное – выполняли функцию авторитетных и неоспоримых аргументов в полемическом дискурсе автора Сибирских посланий.

Литература

Алексеев А.И. О «Просветителе» и посланиях преподобного Иосифа Волоцкого (историографический обзор) // Вестник церковной истории. 2008. № 2 (10). С. 121–220.

Воронова Л.Б. Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 193–198.

Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. / авт.-сост.: Е.К. Ромодановская, О.Д. Журавель // История Сибири. Первоисточники. Вып. 10. Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 2001. 439 с.

Никулин И.А. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. 312 с.

Памятники литературы и письменности крестьян Зауралья / сост.: А.Т. Шашков, В.И. Байдин. Свердловск, 1991. Т. 1. Вып. 2. 240 с.

Панич Т.В. Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова): литературные особенности // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 120–131.

Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. Казань, 1855. 172 с.

Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого / Изд. 4-е. Казань, 1904. 551 с.

Пулькин М.В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX вв.). М., 2013. 334 с.

Ромодановская Е.К. Избранные труды: Сибирь и литература. XVII в. Новосибирск, 2002. 390 с.

Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. 592 с.

Шашков А.Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. 733 с.

Юхименко Е.М. Каргопольские «гари» 1683–1684 гг. (К проблеме самосожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М., 1994. С. 64–119.

References

Alekseev, A.I. (2008), "On the "Enlightener" and Messages of Saint Joseph Volotskiy", *Vestnik cerkovnoy istorii*, no. 2 (10), pp. 121–220.

Voronova, L.B. (1984), "Archaeographical Review of Register of Essays by Ignatius Rimskiy-Korsakov" in *Issledovaniya po istorii obshchestvennogo soznaniya ehpoi feodalizma v Rossii* [Research of the History of Social Consciousness in Feudal Russia], Novosibirsk, Russia, pp. 193–198.

Romanovskaya, E.K. (ed.), *Zhuravel, O.D.* (ed.), (2001), *Literaturnye pamyatniki Tobol'skogo arhierejskogo doma XVII veka* [Literary Memorials of Tobolsk Pontifical House of XVII Century], Siberian History. Primary Literature, iss. 10, Siberian Chronograph publishing house, Novosibirsk, Russia, 439 p.

Nikulin, I.A. (2015), *Preosvyashchennyj Ignatij (Rimskij-Korsakov), mitropolit Sibirskij i Tobol'skij* [Eminent Ignatius (Rimskiy-Korsakov), Metropolitan of Siberia and Tobolsk], Ekaterinburg, Russia, 312 p.

Shshkov, A.T. (ed.), *Baidin, V.I.* (ed.), (1991), *Pamyatniki literatury i pis'mennosti krest'yan Zaural'ya* [Literary and writing memorials of peasants of Transurals], Sverdlovsk, Russia, vol. 1, iss. 2. 240 p.

Panich, T.V. (2017), "Siberian Messages of Ignatius (Rimskiy-Korsakov): literary Peculiarities", in *Problemy sohraneniya otechestvennoj duhovnoj kul'tury v pamyatnikah XVI–XXI vv.* [Issues of Preservation of National Spiritual Culture in Memorials of XVI–XXI cc.], Novosibirsk, Russia, pp. 120–131.

Poslaniya blazhennogo Ignatiya, mitropolita Sibirskogo i Tobol'skogo (1855) [Messages of Beatus Ignatius, Metropolitan of Siberia and Tobolsk], Kazan, Russia, 172 p.

Prosvetitel' ili oblichenie eresi zhidovstvuyushchih. Tvorenie prepodobnogo otca nashego Iosifa, igumena Volockogo (1904) [Enlightener, or Exposure of the Heresy of Judaizers The Work of Saint Joseph, Volotsk Hegumen], 4th edition, Kazan, Russia, 551 p.

Pulkin, M.V. (2013), *Samosozhzheniya staroobryadcev (sередina XVII–XIX vv.)* [Old Believers Self-Immolation (Middle of XVII–XIX cc.)], Moscow, Russia, 334 p.

Romodanovskaya, E.K. (2002), *Izbrannye trudy: Sibir' i literatura XVII vek* [Selectas: Siberia and Literature XVII Century], Novosibirsk, Russia, 390 p.

Smirnov, P.S. (1898), *Vnutrennie voprosy v raskole v XVII v. Issledovanie iz nachal'noj istorii raskola po vnov' otkrytym pamyatnikam, izdannym i rukopisnym.* [Inner Issues of Dissent in

XVII c. Research of beginning of Dissent History According to Newly Acquired Memorials, Published and Manuscript]. Saint-Petersburg, Russia, 592 p.

Shashkov, A.T. (2013), *Izbrannye trudy*. [Selectas], Ekaterinburg, Russia, 733 p.

Yukhimenko, E.M. (1994), "Kargopolye "Burns" in 1683–1684 (To the Issue of Self-Immolations Among Russian Old Believers)", in *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XVIII vv.)* [Old Belilef in Russia (XVII–XVIII cc.)], Moscow, Russia, pp. 64–119.

Статья поступила в редакцию 02.02.2019 г.